

УДК 811.133.1

Лиходкина И.А.

Московский государственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

I. Likhodkina

Moscow State Regional University

PECULIARITIES OF SYNTAX OF A SIMPLE SENTENCE IN THE FRENCH AND RUSSIAN COLLOQUIAL LANGUAGE

Аннотация. Для синтаксиса французской и русской разговорной речи характерно употребление простых предложений, в которых синтаксические средства связи играют второстепенную роль. Кроме того, в разговорной речи с наибольшей полнотой проявляется тенденция к предикативности, выраженная односоставными структурами, а также тенденция к сокращению предложения, когда длинная фраза не обязательно повторяет модели протяжённых синтаксических конструкций, характерных для книжно-письменной речи. Широкое распространение также получают так называемые расчленённые фразы, в которых в сегмент выносятся наиболее важные для говорящего компоненты за счёт выделительных средств. Статья снабжена многочисленными примерами из современных романов, подтверждающими эти положения.

Ключевые слова: разговорная речь, диалог, синтаксис, простое предложение, расчленённые фразы, фразеологизированные структурные схемы.

Abstract. The use of simple sentences in which syntactic connections play a secondary role is a characteristic feature of French and Russian colloquial language's syntax. Moreover, in colloquial language, a tendency to predicativity manifested by sentence shortening shows itself most completely, and a long phrase is not necessarily patterned after long syntax constructions typical of literary language. The metamerized phrases, the segment of which is the most significant component, are widely used in colloquial language. The article is illustrated with examples from modern novels supporting these propositions.

Key words: colloquial language, dialogue, syntax, simple sentence, metamerized phrases, phraseological structural patterns.

Непосредственность и неподготовленность высказывания, ситуация речевого общения и другие характерные черты разговорной речи особенно сказываются на её синтаксисе. Синтаксис французской разговорной речи отличается, как правило, относительной простотой. Простота синтаксиса выражается в том, что для разговорной речи характерны, прежде всего, короткие предложения:

1) "On devrait vivre a posteriori. On décide tout trop tôt. Je n'aurais jamais dû inviter ce type à dîner. Une reddition hâtive, aux conséquences désastreuses. Il faut dire que la pression était énorme. Toute la tribu s'était acharnée à me convaincre, chacun dans son registre, une puissance de feu terrible" [11, 13].

2) "J'ai pivoté sur mes talons. J'ai moi aussi fixé la porte. Ma main s'est posée sur la poignée. J'ai ouvert lentement. Et oui... Oui. Thérèse était dans son lit. Elle dormait à poings fermés. Pas un mot autour de moi" [11, 119-120].

Простота синтаксиса французской разговорной речи выражается также ещё и в том, что, в отличие от книжно-письменной речи, широко использующей сложноподчинённые предложения, разговорный синтаксис, главным образом, предпочитает использовать простые предложения. «В этих случаях учёные видят здесь особую, характерную только для разговорной речи, связь, *связь свободного присоединения*, при которой предикативные конструкции «нанизываются» одна на другую без обычных средств связи, просто соплагаются» [6, 297], например:

Книжно-письменная речь

Il n'est pas venu parce qu'il était malade.

Он не пришел, потому что он болел.

Разговорная речь

Il n'est pas venu, il était malade.

Он не пришел, он болел.

Как правило, в повседневном общении говорящий фиксирует в своей речи порядок следования событий, в то время как отношения причины и следствия могут быть выражены экстралингвистическими средствами. Иначе говоря, во французской разговорной речи синтаксические средства связи между предложениями играют второстепенную роль. «Можно было бы сформулировать правило о том, что разговорный стиль представляет собой следование предложений, не связанных друг с другом, или, говоря точнее, связанных исключительно с помощью интонации» [13, 40].

С наибольшей полнотой в разговорной речи проявляется тенденция к предикативности, выраженной неполными и одноставными предложениями [5]. Как отмечал Л.С. Выготский, эта тенденция возникает в двух основных случаях, характерных прежде всего для диалога: ситуации ответа или такой ситуации, где подлежащее высказываемого суждения известно собеседникам. «Диалог, – отмечает автор в этой связи, – почти всегда заключает в себе возможность недосказывания, неполного высказывания, ненужности мобилизации всех тех слов, которые должны были быть мобилизованы для обнаружения такого же мыслимого комплекса в условиях

монологической речи» [4, 299]. Следующие примеры довольно убедительно об этом свидетельствуют:

1) «– Ben, tu n'as rien?

C'est Launa, ma soeur.

– Comment ça, rien?

– La bombe, au Magasin...

– Tout le monde a sauté, je suis le seul rescapé.

Elle rigole. Elle se tait. Et puis elle dit:

– A propos de sauter. j'ai pris une décision.

– Quelle genre?

– Le genre petite bombe. Mon petit locataire, je vais le faire sauter. Avortement, Ben. C'est Laurent que je veux garder» [10, 23].

2) «– Приветствую!

– Виноват?..

– Багулин? Я не ошибся.

– Решительно не могу припомнить...

– Вы изменились меньше, чем я. Тридцать шестой, Москва, а?

– А-а?.. да-да... но все же?..

– А избушка под Тулой, зима?

– Так-так-так-так... ну же!

– Вот – встреча...

– Вот встреча! Через века, а!

– Какими судьбами здесь?

– (хозяйски поведя рукой) Живу» [3, 6].

Протяжённая фраза во французской разговорной речи не обязательно повторяет модели длинных синтаксических конструкций, характерных для книжно-письменной речи. Обычно, когда фраза в разговорной речи оказывается протяжённой, мы сталкиваемся с двумя тенденциями. Во-первых, это особенность французской фразы, которая заключается в том, что в её начале собеседнику сообщаются различные служебные слова, относящиеся к подлежащему, дополнению, роду, числу, времени, к отрицательности или утвердительности фразы и т. д. и лишь затем сообщаются знаменательные слова, несущие основную смысловую информацию:

“Tu y as été toi, en Espagne l'été?

T'as déjà roulé, la nuit, dans le brouillard sur une route défoncée?” [15, 53].

В ряде случаев подобные структуры оказываются довольно распространёнными.

«Никогда не услышишь возле редакции спортивной газеты “Экип” такую фразу: “N'est-ce point Bobet qui l'année dernière avait déjà gagné le tour de France?” Чаще всего это высказывание французы формулируют так: “Il l'avait déjà gagné le tour de France l'année dernière Bobet?”» [14, 80].

Во-вторых, это членение фразы на две или несколько групп, каждая из которых носит относительно целостный характер. Между группами образуются более или менее значительные паузы. Говоря “S'il on veut, il y a les moules qui sont bonnes et qui n'empoisonnent pas”, мы пользуемся приёмами книжно-письменной речи и вмещаем свои мысли только в одну фразу. В разговорной речи сказанное выглядит иначе: “Si on veut, y a même des moules. Des bonnes. Qu'empoisonnent pas” [15, 42].

Анализ этого отрывка показывает, что точно определить, из скольких фраз он состоит, довольно трудно. Если мы сделаем паузу в местах, отмеченных точкой, их будет три. Если сделать паузу ещё и перед запятой, то количество фраз возрастёт до четырёх. Вместе с тем правильнее сказать, что в рассматриваемом примере есть только одна фраза, характерная для разговорного стиля речи. Разбирая эту особенность французской фразы, Ж. Вандриес подчёркивает: «Граница грамматических фраз здесь настолько трудноуловима, что лучше отказаться определить её. С известной точки зрения здесь только одна фраза. Словесный образ один, хотя он и развивается, так сказать, кинематически. Но в то время как в письменном языке этот образ даётся сразу, в языке устном его разбивают на отрезки, число и сила которых соответствует впечатлениям, которые испытывает говорящий, или тому, как он хочет подействовать на слушателя» [2, 142].

В русском разговорном синтаксисе также преобладают простые предложения, причём в них часто отсутствует глагол-сказуемое, что придает высказыванию динамичность. В одних случаях высказывания понятны вне ситуации и контекста, что свидетельствует об их языковой системности, например: *Я в кино; Он на работу; Мне бы билет; Завтра*

в театр, в других – отсутствующий глагол-сказуемое подсказывается ситуацией: (на почте) *Пожалуйста, конверт с маркой* (дайте). Безличные предложения отличаются особым разнообразием конструкций и их стилистическим применением в речи. Среди них есть такие, которые типичны для разговорной речи: *Хочется есть; Больно!; Не спится; Морозит; Нет денег; Пора домой; Стыдно сказать; Где тебя носило?; Везет же людям!*

На синтаксическом уровне более активно, чем на других уровнях языковой системы, проявляется *неполнотруктурность* выражения смысла языковыми средствами. Неполнота конструкций, эллиптичность – это одно из средств речевой экономии и одно из наиболее ярких отличий разговорной речи от других разновидностей литературного языка. А.М. Пешковский, характеризуя разговорную речь, писал: «Мы всегда не договариваем своих мыслей, опуская из речи всё, что дано обстановкой или предыдущим опытом разговаривающих. Так, за столом мы спрашиваем: «Вы кофе или чай?»; встретив знакомого, спрашиваем: «Ты куда?»; услышав надоевшую музыку, говорим: «Опять!»; предлагая воды, скажем: «Кипяченая, не беспокойтесь!», видя, что перо у собеседника не пишет, скажем: «А вы карандашом!» и т. п.» [9, 58].

О.А. Крылова выделяет два типа синтаксических конструкций, свойственных разговорной речи. Во-первых, это так называемые фразеологизированные структурные схемы с определённым лексическим компонентом, который не может быть ни заменён, ни опущен. Значение таких структурных схем складывается из значений составляющих их компонентов, а воспринимается целиком. Существуют следующие структурные схемы:

– N1 + как + N1, где N1 означает любое существительное в именительном падеже, например: *Пирог как пирог; Дети как дети; «С виду вроде руки как руки, даже как будто и не рабочие»* [1, 54]. Постоянный элемент «как» не имеет здесь значения сравнения, и предложение, построенное по этой схеме,

имеет целостное значение, не вытекающее из прямых значений входящих в него компонентов. Так, выражение «Пирог как пирог» означает «обычный, нормальный, ничем не примечательный пирог».

– Взять (да) и V, где V – символ спрягаемой формы глагола. Такая структурная схема передаёт произвольное действие, всецело определяемое личным желанием субъекта и часто совершаемое вопреки здравому смыслу или воле кого-то другого, например: «А вы взяли и превратили этот культурный факт в изысканную ювелирную метафору. Очень вам, кстати, идёт!» [8, 116]; «А тут взять и ни с того ни с сего – на берег» [1, 174].

– Нет (что)бы + Infinitiv, например: «Нет чтобы воспользоваться возможностью и свободным изливанием души выразить капитану свою любовь и сказать что-нибудь хорошее о команде, о пароходе, о пройденном пути. Куда там!» [1, 170]. Целостное, фразеологизированное значение таких предложений – это выражение желательности для говорящего того действия, которое другой человек не совершает, и его осуждение за осуществляемое им действие, противоположное желаемому.

Разговорные синтаксические конструкции второго типа включают:

– повторяющиеся полнозначные лексемы: *Я его просил-просил, и все без толку!; Прихожу, везде бумаги, бумаги... и никого нет; Забежал взял перчатки, а куда побежал – не сказал;*

– частицы или модальные слова, сближающиеся с частицами, такие, как: *дай, знай, смотри, того и гляди, было, вот, так, вот так, вот и, туда же, нет-нет (да) и, ну и, разве, точно* и т. п., например: *Дай, думаю, зайду; Холодно! Смотри не простудись; Он было пошел, да передумал; Ну вот, и ты туда же!; Разве я тебе не говорил!; Вот так подарочек!;*

– междометия и междометные сочетания, например: *Ах, как красиво!* [6, 208-210].

Во французской разговорной речи широкое распространение получают так называемые расчлененные фразы. Как правило, подобные конструкции состоят из двух час-

тей, одна из которых является как бы законченной в плане грамматической формы и семантики, другая – сегментом, являющимся обычно нераспространённым членом предложения. Наиболее часто выносятся в сегмент подлежащее, что представляется вполне логичным: каждое предложение обязательно предполагает автора действия, в то время как другие члены предложения могут быть или не быть, например:

1) “Maman, elle était quelque part en amour, comme d’habitude” [11, 14];

2) “Je ne me suis pas rendormi, moi” [11, 77].

Также часто в сегмент выносятся дополнения:

1) “ – Un jour tu les vendras, tes photos, et ce sera ton tour de faire bouillir la marmite” [10, 106].

2) “ – Vous pouvez le garder mon papier, monsieur, vous pouvez en faire des confettis, je le connais par coeur...” [12, 32].

В качестве местоименных слов-заменителей могут быть использованы личные местоимения, указательные местоимения (“ça”, “cela”), а также адвербиальные местоимения “en”, “y”. Эти местоимения заменяют не только косвенное дополнение, но и прямое, представленное именем существительным со значением неопределённости и частичности:

“A quoi, Moune ajoutait: « Et il en faut, du caractère, avec un fils comme Камо... »” [12, 36].

В предикативной группе часто употребляется указательное местоимение “ce”, “ça” как в собственном значении, так и в качестве заместителя личного местоимения 3-го лица единственного числа:

1) “C’est ça qu’elle devait faire, ta soeur Thérèse!” [11, 66];

2) “Ça te sera très utile, petit con” [11, 79].

Также “ça” может заменять существительное во множественном числе:

“Paraît que ça existe, les chiens épileptiques, et que ce soir ça ira mieux” [10, 100].

В русском языке также существует ещё один ряд синтаксических особенностей разговорной речи – это многочисленные и своеобразные способы выделения в предложении

наиболее важных для понимания смысла предложения компонентов. Для этих целей используются:

– особый разговорный порядок слов, когда два непосредственно связанных слова могут быть разделены другими словами: *Красных купи мне / пожалуйста / стержней //* (красных стержней для ручки);

– разного рода специальные слова — актуализаторы (местоимения, отрицательные или утвердительные частицы): *Он что / уже в школу идет? //; Ты завтра / да? уезжаешь? //; Он летом / нет / к нам приедет? //;*

– повтор актуальных компонентов: *Я по Волге этим летом поеду / По Волге //* [7, 59].

Итак, для синтаксиса французской и русской разговорной речи характерны общие черты, такие, как:

– употребление большого количества простых предложений, в которых синтаксические средства связи играют второстепенную роль;

– тенденция к предикативности, выражающаяся в сокращении предложения;

– протяженная фраза не обязательно повторяет модели длинных синтаксических конструкций, характерных для книжно-письменной речи;

– в разговорной речи широкое распространение получают так называемые расчленённые фразы, в которых в сегмент выносятся наиболее важные для говорящего компоненты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вайнович В.Н. Сказка о глупом Галилее. М.: Эксмо, 2009. 418 с.
2. Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю французского языка). М.: Эдиториал УРСС, 2004. 408 с.
3. Веллер М. А вот те шиш. М.: АСТ, 2009. 384 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: АСТ Москва, 2008. 672 с.
5. Елифанцева Н.Г. От слова к предложению: теория языковых уровней и сопоставление французской и русской синтаксических систем. М.: МГПУ, 2008. 120 с.
6. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория. М.: Высшая школа, 2008. 319 с.
7. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. 560 с.
8. Пелевин В.О. Ананасная вода для прекрасной дамы. М.: Эксмо, 2010. 352 с.
9. Пешковский А.М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. 250 с.
10. Pennac D. Au bonheur des ogres. P.: Gallimard, 2008. 288 p.
11. Pennac D. Aux fruits de la passion. P.: Gallimard, 1999. 223 p.
12. Pennac D. Kamo, l'idée du siècle. P.: Gallimard, 1997. 92 p.
13. Sauvageot A. Français écrit, français parlé. P.: Larousse, 1962. 297 p.
14. Queneau R. Batons, chiffres, lettres. P.: Gallimard, 1994. 337 p.
15. Queneau R. Zazie dans le métro. P.: Gallimard, 2004. 190 p.